Хто Київ

Женни, Женни
в чем теперь тебе помогут лягушки?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная история взята из сборника *Ghosts Of The South* — это рассказы о разных мистических, загадочных и необъяснимых случаях, криминальных и не только. Объединяет их место действия — все они происходят на земле, лежащей между линией Мэйсон-Диксон и Рио-Гранде.

- Хью Кейв

Хью Кейв
Дженни, Дженни, о чем теперь тебе поют лягушки?

По обочине дороги быстрым шагом шла девушка. Остановившись, она вскинула свою худенькую руку, повернув запястье к лунному свету — часы показывали 2:19 ночи. Дорога была пустынной — но она знала, что в любой момент из ниоткуда может возникнуть рокот тяжелого трейлера. Господи, пронеси…

Дорога, по которой она шла, была обычной четырехполосной трассой с раздельными проезжими частями, каких в центральной Флориде более чем хватает. После той аварии девушке приходилось добираться до дома пешком — это чуть более мили. Вечерами она работала в «Лейк Серена Кафе», придорожном заведении для водителей большегрузов на южной окраине городка. Днем она исполняла обязанности кассира в отделе рецептурных лекарственных форм в одной из аптек Лейк-Серены.

Ей было девятнадцать лет, лицом и фигурой она была хороша настолько, что, по ее мнению, она легко бы получила титул Мисс Флорида — если бы, конечно, ей удалось пробиться на этот конкурс. Ее звали Дженифер Форрест, и ей было страшно. Даже знакомое кваканье лягушек в придорожной канаве не могло заглушить ее страх, тот ужас, который постоянно присутствовал внутри — страх ожидания грузовика. Невидимого грузовика.

Три недели назад, когда она впервые услышала этот большегруз, он был явственно виден. И тогда она не шла пешком по обочине — а гордо вела машину, самую первую машину в своей жизни.

Говоря по правде, машина новой не была. К тому моменту когда Дженни купила этот пятилетний «Датсун», он уже пробежал более чем 50 тысяч миль. Но это была ее личная машина — а привлекательный инспектор, выдавший Дженни права, сделал девушке комплимент, назвав ее первоклассным водителем. (Дженни, правда, умолчала о том, сколько парней помогало ей учиться водить машину). И единственное, чего она не ожидала — так это того, что в 2:15 ночи позади нее возникнет огромный восемнадцатиколесный грузовик, за рулем которого будет игриво настроенный болван, желающий пошутить.

С Уиллардом Эллисоном Дженни познакомилась в первый же вечер, когда устроилась на работу в кафе. Мало того, что он был владельцем собственного грузовика — он также считал, что

является владельцем любой девушки, которая ему понравилась. Хотя у него хватало ума смеяться в собственный адрес своим оглушительным раскатистым хохотом, если он понимал, что ошибся. Он был огромного сложения, с роскошной густой бородой песочного цвета.

Как-то раз, за полчаса до окончания её смены, когда она проходила мимо его столика, он неожиданно схватил Дженни за руку, и, ухмыляясь, сказал, что она должна завязывать с работой официантки и выйти за него замуж.

— Ага, сейчас, всё брошу и побегу с тобой под венец! — фыркнула она.

— Эй, Дженни, да я серьёзно, — по ухмылке было видно, что он дурачится. Неожиданно он обхватил ее, усадил к себе на колени и попытался поцеловать.

Такие ситуации были для Дженни не в новинку, и она прекрасно знала, как обращаться с подобными шутниками. Надо просто схватить мужика за самое болезненное место. Не настолько сильно хватать, конечно, чтобы он взъярился — но так, чтобы он тут же тебя отпустил. Уиллард Эллисон отпустил и немедленно разразился своим громоподобным хохотом. Затем он опять попытался ее облапить — но она рванулась и, поскользнувшись, упала на колено. Он немедленно встал и помог ей подняться, рокоча: — Ё-моё, Дженни, прости, пожалуйста…

— Да чтоб тебя! — Дженни была в ярости, ее оцарапанное колено немедленно начало кровоточить. — Уилли Эллисон, тебе крупно повезло, что на мне не было чулок!

Он взял со стола несколько салфеток и начал вытирать ей колено, поминутно извиняясь: — О, Господи, ты извини. Я же просто прикалывался. Ну, ты же понимаешь. Ты же знаешь меня.

— Прикалывайся так с Эвелин или Надин, — выпалила Дженни, — потому что я по тебе не сохну!

— Да ладно, Дженни, я ничего такого не имел в виду.

— Ну… — порой сложно долго сердиться на таких глуповатых горилл, — всё равно я уже ухожу.

— Я подвезу тебя до дома, — сказал он. Он так уже делал несколько раз с другими официантками, когда ехал на юг и был без напарника. Дом, где Дженни жила вместе с родителями, располагался прямо у шоссе. В качестве ответной любезности он ожидал разрешения немного повольничать руками… но в наши дни так поступают все мужики.

Но сегодня был особенный день. — Большое спасибо, мистер Эллисон, но у меня теперь есть своя машина, — ответила она, гордо тряхнув гривой своих темно-рыжих волос.

— У тебя? И давно?

— С самого утра!

— Ну надо ж, как интересно… Где она? Пойдем, посмотрим!

Она была настолько горда тем, что стала владельцем авто, что показала бы его даже Джеку Потрошителю. (Дополнительную гордость ей придавало то, что её назвали первоклассным водителем). Она вывела Эллисона через заднюю дверь закусочной на парковку, открыла машину и, скрестив руки на груди, наблюдала, как он осматривает ее «Датсун».

— Ну, что ж, выглядит неплохо и стоит своих денег, — вынес он свой вердикт. — Сколько ты за нее заплатила?

— А вот это не твое дело, — Дженни не хотелось говорить, что она потратила на машину практически все свои сбережения, едва ли не до последнего цента.

— Ладно, — он ухмыльнулся. — Ты уже уходишь?

— Чуть позже, мне надо переодеться, — она никогда не носила униформу вне работы, как порой поступали остальные девушки. Никогда же не знаешь, кого можешь случайно встретить, не так ли?

— Это тебе на удачу, — он опять ухмыльнулся и поцеловал ее.

Она размахнулась и влепила ему пощечину — на что он опять расхохотался, и его смех раскатился по всей парковке. Пылая гневом, она ринулась обратно в кафе. Когда спустя десять минут, она садилась в свою машину, Эллисон только еще собирался выезжать с парковки. Ей пришлось проехать совсем рядом с его трейлером — он помахал ей рукой из кабины. Дженни вяло подняла в ответ руку, надеясь, что со стороны этот жест выглядел как вежливо-безразличный.

От кафе до её дома было около мили. Она успела покрыть примерно половину этого расстояния, стараясь держаться в пределах 30–35 миль в час, когда услышала позади шум грузовика Эллисона. В этом месте дорога круто поворачивала направо, к тому же изгиб заслоняла сосновая рощица. Обгоняя ее, Эллисон оглушительно просигналил клаксоном.

Дженни приняла в сторону, поскольку прекрасно представляла себе размеры того голиафа, которым управлял Эллисон. Будучи новичком на дороге — хотя и первоклассным водителем, по мнению того молодого экзаменатора — она инстинктивно сторонилась всего большого, высокого и более чем на шести колесах. Так что у Эллисона было достаточно места для маневра — но воспользоваться им он не захотел.

Явно заигрывая, Эллисон подал свою машину ближе к Дженни. Сбросив скорость, он несколько раз крутанул руль туда-сюда — как ковбой, гарцующий на своем коне. В поворот они

вошли вместе: Дженни, изо всех сил вцепившаяся в руль, и Эллисон, оглушительно хохочущий над её испугом.

Наконец Эллисон втопил педаль газа и рванул вперед — но за несколько мгновений до этого потерявшая самообладание Дженни, почувствовала, что ее машину «ведёт» в сторону. «Датсун» вылетел на обочину и, перевернувшись, остановился в глубоком заболоченном кювете.

Каким-то невероятным образом она избежала травм. Когда она, наконец, выбралась из машины, Эллисона и след простыл. В кювете, рядом с ее драгоценным авто, нестройно квакали лягушки. Дженни постояла и направилась домой, вытирая слезы, безостановочно катившиеся по щекам.

В ее груди начала закипать лютая ярость в отношении Уилларда Эллисона.

Дженни опять посмотрела на часы — грузовик запаздывал, а, может быть, её часы отставали. Скорее всего, дело было в часах: во-первых, они были старые, а во-вторых, откровенно дешевые. Обычно перед уходом домой, она сверяла время по электронным часам в кафе, но в этот раз почему-то забыла это сделать.

На шоссе не было ни души. Единственными звуками в этой гнетущей тишине (помимо ее торопливых шагов) были рулады лягушек. Удивительно, насколько разнообразным порой может быть их кваканье. Люди почему-то думают, что все лягушки квакают в унисон — что абсолютно неверно.

Господи, ну когда, когда же, наконец, ей вернут машину из ремонта? Уже прошло три недели — и последние две из них она слышит по ночам этот грузовик. Каждую ночь! Надо было не жалеть денег на эвакуацию и отвезти покореженную машину к кому-нибудь более надежному, а не к этому Джаррету. Его мастерская была ближе всего к месту аварии, но на ближайшие тридцать миль, его заведение являлось, наверное, самым убогим.

Но ведь она же не знала, что счет за ремонт машины оплатит не кто иной, как Уиллард Эллисон, правда? Откуда она могла знать, если она опять вышла на работу только через неделю после того, как машину отвезли в мастерскую?

Да Бог бы с этим делом, пусть только они поскорее закончат ее ремонтировать. Только бы побыстрее получить назад свою машину, потому что она уже до смерти напугана этими ночными пешими возвращениями — ещё немного и ей придется из-за них бросить работу официантки. А этого допустить никак нельзя, поскольку того, что она получает в аптеке за свой неполный рабочий день явно недостаточно. Они тянут резину и заявляют, что у них, видите ли, нет запчастей. Чушь какая! Вдоль дороги

полно разбитых «Датсунов» и запчасти наверняка можно найти.

Может сегодня (хотя бы сегодня!) грузовик не появится? Или если появится, то пусть это будет после того, как она придет домой? Господи, прошу тебя, пожалуйста…

Судя по всему, Господь сегодня был не в настроении внимать мольбам напуганной официантки — она услышала шум приближающегося трейлера.

Дженни остановилась. Дрожа как лист под ветром, она обернулась и глянула на шоссе. Естественно, она ничего не увидела. Она никогда его не видела. Но всегда слышала.

Это был тот же самый шум мотора, который она слышала, когда не справилась с управлением и улетела в кювет. И она знала, что это тот же самый грузовик. Люди полагают, что все моторы звучат одинаково, но на самом деле это не так. По крайней мере, для нее это было не так, а уж она-то знала, поскольку с самого рождения жила в двухстах ярдах от шоссе. Каждый большегруз звучал по-своему — так же как и все лягушки звучат по-разному.

Шум, обрушившийся на нее, был целой симфонией разных звуков. В нем был визг покрышек на бетоне; к ним примешивался грозный рык мощного дизеля, работающего на предельных оборотах. Был даже слышен свист воздуха, рассекаемого невидимым прицепом.

От надвигающегося тяжелого трейлера дорожное ограждение завибрировало — а Дженни ещё не успела дойти до его конца. Времени у нее оставалось совсем чуть-чуть. Она была слишком напугана, чтобы закричать — инстинктивно она отпрыгнула за ограду, приземлившись на скошенную кучу травы. Лихорадочно поднявшись, она в панике побежала подальше от полотна, ощущая, как большегруз дернулся в её сторону. Может он хочет проломить ограждение и догнать её? Она была уверена, что если бы он хотел, он так и сделал. Но грузовик выровнялся и улетел вперед по шоссе.

Она чувствовала, что если бы она могла увидеть этот трейлер, то узрела бы его в каких-то дюймах от собственного лица. И за рулем, конечно, сидел бы он — глядя на неё и давая понять, что не в этот раз, так в следующий.

— Господи, Боже всемогущий, — всхлипнула она, — пожалуйста, сделай так, чтобы завтра моя машина была готова. Я уже не могу это выносить!

Господь не ответил. Лягушки опять завели свою ночную серенаду.

Уиллард Эллисон загнал на стоянку свой грузовик и вошел в

кафе. Оно было переполнено. Прошла неделя с той ночи, когда по его вине Дженни разбила машину. — Предоставьте его мне, — сказала напарницам Дженни, увидев Уилларда. — Я долго ждала этого момента.

Когда она подошла к его столику, он попытался с ней заговорить, но она оборвала его холодно-вежливой фразой, «Приятель, мы заняты» и спокойно приняла заказ. Сегодня он почему-то не дурачился, как обычно. Наоборот, он выглядел виновато и даже грустно: возможно он опасался, что Дженни начнет на него кричать за его глупую выходку — в присутствии остальных посетителей.

На самом деле она бы так и сделала — но к тому моменту у нее уже созрел план получше.

Как и всегда, Эллисон заказал кофе. Он пил его постоянно, сопровождая каждое блюдо тремя или четырьмя чашками, настолько щедро сдабривая напиток сахаром, что скорее его можно было бы назвать мёдом. Он также заказал блюдо дня: говяжью солонину с капустой, что было несколько необычно. Как правило, он все время торопился куда-то и перекусывал наспех.

Когда Дженни принесла заказ, он молча принялся за еду, пока тарелка не опустела. Дженни опять подошла к нему, чтобы в бог-знает-какой-раз наполнить кофе его чашку. Внезапно Эллисон положил свою ладонь ей на руку и со смущенной улыбкой сказал: — Не присядешь на минуточку?

— К тебе? — отрезала она. — Я, что, похожа на идиотку?

— Ну, пожалуйста. Присядь, — попросил он, без своей вечной растянутой ухмылки. — Мы оба были на этом крутом повороте, так ведь? Я понятия не имел, что я натворил, пока вчера в Орландо Ник не рассказал мне об этом. — Ник ДиАнджело был завсегдатаем кафе и приятелем Эллисона. — Я не собирался сегодня сюда заезжать, — продолжил он, покачав своей густой шевелюрой, — но вот, приехал. Во сколько тебе встал ремонт машины?

— Да тебе-то какое дело, — огрызнулась она.

— Большое. Потому я и приехал. Сколько?

— Триста шестьдесят, как сказал Джаррет. Но это приблизительно. Понятно, что в итоге выйдет больше.

Он сунул руку в карман джинсов, вытащил бумажник и достал из него пачку сотенных купюр. Отсчитав десять из них, он вложил деньги в её руку. Её изумила как сумма, так и то, что он просто отдал их ей, а не хлопнул ими об стол, хохоча при этом.

Продолжая держать её руку, в которой были деньги, он встал. Он взял её за другую руку и так стоял, расставив ноги и виновато глядя на нее — огромный бородатый лось, взирающий на

маленькую испуганную косулю.

— Ты прости меня, — прогудел он. — Это было форменной глупостью с моей стороны. Я совсем забыл, что ты только-только получила права. Попытайся не сердиться на меня, хорошо?

На секунду ей показалось, что он, как обычно, попытается ее поцеловать — и она не знала, как она на это среагирует. Тем более сейчас — после того, что она сделала. Но он не двинулся. Он просто усмехнулся — или почти усмехнулся — отпустил её руки и вышел прочь.

Она видела, как он забрался в кабину и включил зажигание. Она подумала, что, наверное, стоит ему сказать. Но она боялась.

В ее левой руке, плотно прижатой к животу, была тысяча долларов, которую дал ей Эллисон. Дженни трясло.

Она ошибалась по поводу Джаррета. На следующий вечер после её дикого прыжка за дорожное ограждение, Джаррет пригнал «Датсун» к забегаловке и объявил окончательную цену — те же триста шестьдесят долларов. Дженни ожидала большего, и поэтому держала нетронутой ту тысячу, что дал ей Эллисон две недели назад. Так что у нее выходило шестьсот сорок долларов чистой прибыли. Она даже была готова его расцеловать. Не Эллисона, конечно — слишком поздно. Расцеловать старого Джаррета.

— Прошу прощения, что так долго, мисс Форрест, — сказал он. — Я никак не мог найти некоторые запчасти. — Сухощавый старик Джаррет с видимым удовольствием глазел на выдающиеся формы Дженни. Похоже, что именно они его и заботили, поскольку собственно о ремонте машины он сказал крайне мало. Как правило, его клиенты, вовсе того не желая, были вынуждены выслушивать подробнейшую историю о том, чего ему, собственно, стоило найти части, и как тщательно он ремонтировал машину — вплоть до последней гайки.

Дженни, однако, была в восторге: — Какое счастье, что сегодня я домой поеду, а не потащусь пешком!

К двум часам ночи, к тому времени, когда её смена заканчивалась, она все ещё находилась в эйфории по поводу своей новой побитой и отремонтированной подержанной машины. Переодеваясь в свою одежду, она беспрестанно напевала песенку — и продолжала ее мурлыкать, усевшись за руль.

Она почти забыла об Уилларде Эллисоне, когда неожиданно услышала позади рокот тяжелого грузовика. Ночь была теплой, стекла машины опущены, и она даже наслаждалась ночным хором лягушек, квакавших в придорожных кюветах. Похоже, они мне аккомпанируют, подумала она с улыбкой.

Рёв дизеля моментально прогнал всю беззаботность. Она глянула в зеркало заднего вида — но не увидела ничего, кроме пустого шоссе. Звук нарастал, он становился все ближе и ближе, и Дженни понимала, что должна от него оторваться. Она до упора втопила педаль газа.

Маленький автомобиль рванулся вперед как испуганный олень; менее чем за секунду стрелка спидометра скакнула с 35 до 70 миль — Дженни даже не успела среагировать. Она понятия не имела, какую скорость может выжать ее машина. В конце концов, она успела посидеть за рулем даже меньше суток, когда этот проклятый трейлер, что сейчас гонится за ней, вышиб её с дороги. О Господи, охнула она про себя, я даже не знаю, как управлять машиной на такой скорости!

Даже на 75 милях в час ей не удалось оторваться от грузовика — шум мотора неотвязно следовал за автомобилем.

Наконец, в первый раз за эти две недели, она увидела этот трейлер. В эту ночь луна не светила, и чудовищная махина была едва видна, какие-то еле-еле различимые очертания — но это был тот самый грузовик, вне всяких сомнений. Именно тот, что унес его в другой мир, когда он заснул за рулем, напившись кофе, щедро сдобренного кое-чем, что официантка взяла в аптеке. И сейчас он был за рулем, укоризненно глядя на Дженни из кабины своего левиафана.

Она видела, как он покачал головой, как бы говоря: — Дженни, Дженни, не стоило так поступать. Нет, малышка, не стоило. В конце концов, я более чем оплатил ремонт твоей машины.

— Я знаю, что ты это сделал! — закричала она, пытаясь удержать руль. — Господи, Боже мой, Уилли, я знаю, что ты заплатил за ремонт. Но я бросила снотворное тебе в самую первую чашку кофе, и ты ее уже выпил. Я просто хотела, чтобы ты почувствовал, что это такое — несчастный случай.

Его ревущий голиаф и ее маленькая машинка неслись по шоссе бок о бок, в каких-то дюймах друг от друга. Он опять покачал головой: — Тебе стоило прислушаться к моим словам, когда я просил тебя выйти за меня замуж. Маленькая резвушка, вроде тебя и большой медведь, типа меня — эх, какая была бы пара. Нам бы всяко было весело друг с другом! Твоя попытка убить меня — это был самый глупый шаг в твоей жизни, дурашка.

— Пока, малышка, — сказал он и начал хохотать. И все это время, пока маленький автомобиль летел с трассы в кювет, и далее в болото, полное лягушек, она слышала раскаты его хохота, продолжавшиеся даже после того, как квакушки испуганно замолчали.

Это было последнее, что она услышала в своей жизни.
© *С.Карамаев, перевод.*